

В 1982-83гг. я отбывал заключение в психиатрической больнице по ст. 190¹ за распространение якобы клеветнических произведений.

В настоящее время после долгих хлопот я считаюсь снятым с психиатрического учета. Однако, я осознал, что "снятие с учета" является по сути дела словоблудием и означает только отмену унижительной обязанности регулярно отмечаться у психиатра. Карточка же и диагноз в ней остаются совершенно неприкосновенными.

Поэтому я веду сейчас борьбу за снятие диагноза. Борьба эта - тяжелая, потому что официальная психиатрия, можно сказать, заняла круговую оборону против критики со стороны общественности. Официальные психиатры-профессионалы не раскаялись. Вначале они вообще отрицали факты злоупотребления психиатрией. Теперь они больше отмалчиваются. Если же иногда появляются ответы на критику, то в них по-прежнему преобладает дух профессионального превосходства и презрения к критикам-"выскачкам".

Мое дело осложняется тем обстоятельством, что диагноз шизофрении я получил еще в 1972г., т.е. за 10 лет до принудительного "лечения". Я хочу рассказать, как это случилось. Для меня рассказывать это неприятно, потому что я вел себя тогда совсем достойно: я повинен в тяжком грехе лжесвидетельства, как позже оказалось, на самого себя. В этом я раскаиваюсь. Но мой рассказ может пролить свет на уровень профессионализма нашей психиатрии. Дело в том, что последняя в моей истории тоже оказалась явно не на высоте: в самом деле, психиатрия, профессионализм которой так высоко превозносится ее адвокатами, и которая по идее должна видеть человеческие души насквозь, 18 лет не замечала моей лжи, и можно с уверенностью сказать, что и далее осталась бы в неведении, если бы я не решился все рассказать.

Летом 1972г. я закончил почти на круглые пятерки четвертый курс ИФФ ТГУ. Кроме работы по плану, я еще добровольно изучал два иностранных языка. В тот год я учился в продолжаю-

щей группе немецкого языка и начинающей - французского.

После окончания семестра я лег в студенческую больницу на обследование по поводу болей в области живота. Там мне поставили диагноз воспаления почек и лечили большими дозами пеницилина. Улучшения не наступило. Напротив, к болям в животе досадились: гипертония второй степени и бессонница. /Лишь много лет спустя выяснилось, что почки у меня были в порядке, боли же обуславливались описторхозом/.

Итак, к началу нового учебного года у меня оказалась целая куча болезней. Особенно мне досаждала бессонница, т.к. из-за нее упала работоспособность. Снотворные лекарства не действовали. В такой ситуации я решил брать академотпуск. Однако, в студенческой больнице дать его мне отказались: дескать не хватало показаний. Наконец, невропатолог-женщина, которой я досаждал жалобами на неэффективность ее лекарств, выписала мне направление в психо-неврологический диспансер.

В то время я о психиатрии ровно ничего не знал. Если бы знал, то никогда бы туда не пошел.

В диспансере я несколько преувеличил свои симптомы: добавил головные боли, которых на самом деле не было. На это меня спровоцировал комплекс нехватки показателей для академотпуска, который сложился у меня в студенческой больнице. Кроме того, врач так задала вопрос: "И голова конечно болит?" - что ответить отрицательно было просто трудно.

Из диспансера меня отправили в больницу. Там я прогорел самым капитальнейшим образом на вопросе о том, читал ли я произведения Маркса и Энгельса. Я конечно читал кое-что, но только в соответствии с программой обучения и требованиями преподавателей. Вообще-то некоторые наиболее выдающиеся студенты нашего курса читали классиков самостоятельно. Я не вижу здесь криминала тем более, что для историка знание классиков марксизма можно считать у нас хлебом. Я же решил, что произведения классиков от меня никуда не убегут: важнее изучать иностранные языки, пока можно воспользоваться помощью преподавателей.

Короче говоря, мне показалось стыдным признаться в своем невежестве, и я назвал целый ряд произведений, которые я будто бы читал. На самом же деле, в некоторых из них я читал только отдельные главы к семинарским занятиям, многие же вообще знал только по названиям и не читал из них ни одной строчки. Вот так я согрешил, лжесвидетельствовал против самого себя.

В этом я чистосердечно раскаиваюсь. Был я тогда молод и зелен /22 года/, религиозного воспитания не имел и до Библии еще не добрался. Не мог я также догадаться, что у психиатров-марксистов чтение Маркса и Энгельса считается признаком дурачины.

Буквально через полчаса после допроса о Марксе и Энгельсе меня под конвоем перевели из отделения с довольно мягким режимом в отделение с тюремным режимом. Ясно, что "чтение" Маркса и Энгельса послужило психиатрам главной уликой против меня для постановки диагноза шизофрении.

Вот такой "высокий" профессионализм у наших психиатров!

Бессоница же моя имела явно аллергическое происхождение: реакция организма на ошибочное введение больших доз пеницилина. Это ясно видно из истории ее появления. Дополнительным свидетельством в пользу этого является эффективное действие на нее такого известного антиаллергического препарата как димедрол. Ни один врач не догадался попробовать это лекарство. Я сам на него случайно наткнулся несколько позже.

Когда я читаю очередное превознесение профессионализма советских психиатров, мне становится очень грустно. По сути дела эти люди сами больны психически. Они не признают, что могут ошибаться: но ведь ошибаться свойственно людям. Это - шизофрения, параноидная форма, мания величия. / Я хоть и дилетант, но разбираюсь в психиатрии лучше обычного дилетанта, потому что перевел психиатрам две книги и множество статей по психиатрии, и кроме того в роли шизофреника я прошел богатую психологическую и психиатрическую практику/.

Страшно то, что это коллективный психоз: им охвачено целое ведомство с иерархической структурой. Еще страшнее то, что это ведомство творит произвол не над природой, как Минводхоз, а над судьбами людей.

Что я могу посоветовать человеку, попавшему на допрос к психиатру?

Следует руководствоваться тем соображением, что советская психиатрия - сталинистское детище. Как Сталин ненавидел всех выдающихся, самостоятельных, самобытных людей, так и у нашей психиатрии наблюдается неприязнь к тому же самому. Чтобы понравиться советскому психиатру, следует выглядеть посредством. Это самое общее руководство. Гарантировать успех я не могу, потому что убежден в беззащитности человека перед нашей психиатри-

ей. Любой здоровый человек может стать ее жертвой. Даже если человек избежит мыслительных ловушек, его могут просто оболгать. Напр., в заключении судебно-медицинской экспертизы на меня в 1982г. содержится целая куча лжи.

Эффективными средствами защиты человека от злоупотреблений психиатрией могут быть: свобода печати/ а не гласность/, открытость границ государства, частная собственность, демократическая выборность органов власти, идеологический плюрализм / а не социалистический плюрализм/, ликвидация марксистской монополии на психиатрию, повышение уровня гуманитарного и специального образования психиатров.

Автор:

Арцимович Виктор Васильевич, проживающий по адресу:
634005, г. Томск, ул. 30 лет Победы, 7, кв. 34.